

УДК 81'27 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-41-52

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНА БЫТИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА

Владимирова Татьяна Евгеньевна

профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

ул. Кржижановского, 24/35, Москва, Россия, 117218

профессор, РУДН

ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198

yusvlad@rambler.ru

Настоящая статья посвящена раскрытию сложной природы языковой картины мира, которая приобретает экзистенциальное измерение при обращении к унаследованному способу бытия национальной языковой личности. В обосновании этого положения и заключается главная цель представленной работы. Рассмотрение языковой картины мира и бытия, а также стоящей за ней личности как актуальной задачи психолингвистики позволяет объединить в одном исследовательском горизонте данные лингвистики, психологии, онтологии, как философского учения о бытии, и синергетики. Предложенный металингвистический подход (М.М. Бахтин) актуализирует внимание исследователя на анализе лично осознаваемого, эмоционально и интуитивно воспринимаемого актуального бытия, а также тех смысложизненных представлений, которые составляют ценностное ядро сознания языковой личности и прообраз искомого речевого взаимодействия с другими. Тем самым удается дополнить функционально-коммуникативное описание языковой картины мира данными о «языковом существовании» (Б.М. Гаспаров) ее создателя. При таком подходе экзистенциальная картина бытия рассматривается как присутствующая в сознании «лента жизни», в которой находит отражение не только когнитивно-коммуникативный, но и экзистенциальный опыт бытия языковой личности, базирующийся на представлениях о смысле жизни.

Ключевые слова: картина мира, сознание, бытие, личность, онтология, экзистенциальный

Введение

Антропный принцип восприятия окружающей действительности предопределил общность языков и языковых картин мира. Вместе с тем языковая картина мира – это источник формирования *самобытной языковой личности*, ключ к ее миропониманию и исторически сложившемуся образу жизни.

Анализ языковой картины мира, как правило, не включает рассмотрение способа бытия и его сущностных оснований, которые являются предметом онтологии. Но невнимание к «онтологической реальности» (Г.П. Щедровицкий) и уходящим в прошлое ценностным установкам, регулятивам и институтам бытия приводит к тому, что «забывают о людях, в мышлении у которых эти отношения устанавливаются, пренебрегают их конкретной культурой и уже не знают, ни откуда, ни кто они» [Леви-Стросс 2000: 367].

Исследовательский интерес к раскрытию многомерной природы языковой картины мира и «онтологической специфики языка», «его “встроенности” в естественное и социальное окружение носителя языка» [Залевская 2015: 72] обусловили актуальность настоящей статьи и ее направленность на бытийную (экзистенциальную) составляющую картины мира.

Обращение к языковому бытию и его духовной составляющей в значительной степени было подготовлено принятой антропологической парадигмой, а также экзистенциальным и онтологическим «поворотами» в гуманитарных науках. Отныне язык и речь рассматривались через призму человека, а одним из актуальных объектов стала русская языковая картина мира. Здесь мы имеем в виду работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, Т.В. Булыгиной, А. Вежбицкой, Л.С. Выготского, Т.М. Дридзе, В.П. Зинченко, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, Г.В. Колшанского, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, И.Б. Левонтиной, А.А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева, М.Л. Макарова, В.А. Масловой, В.А. Пищальниковой, З.Д. Поповой, В.И. Постоваловой, Е.В. Рахилиной, С.Л. Рубинштейна, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасовой, Е.В. Урысон, А.А. Уфимцевой, Н.В. Уфимцевой, А.Д. Шмелева, Г.Г. Шпета, Е.С. Яковлевой и др.

Важной вехой в раскрытии многомерности бытия языковой личности стало понимание «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили), в котором взаимодействуют рефлексивная, бытийная (экзистенциальная) и духовная составляющие [Зинченко 2010: 113]. Тем самым были созданы предпосылки для перехода к целостному изучению языковой картины мира носителей различных лингвокультурных традиций. Существенным представляется также тот факт, что «онтология межкультурного общения создает оптимальные условия для анализа национальных языковых сознаний, и эта оптимальность в первую очередь определена тем, что она нарушает автоматизм восприятия языкового сознания благодаря использованию нового “прибора” – инокультурного сознания» [Тарасов 1996: 20].

Языковая картина мира: онтогенетический и психолингвистический аспекты. Языковая картина мира с характерными для нее представлениями и установками формируется в детском сознании из обращенной к ребенку речи. Поэтому уже первые контакты с матерью, родными и близкими, включая невербальные, способствуют развитию у ребенка сенсомоторного интеллекта и способности к различению того, что «можно» или «нельзя», «хорошо» или «плохо».

Но по мере соотнесения различных объектов с определенными действиями и ситуациями в детском сознании складывается не только понятийно-конвенциональная система, в которой предметы, явления и действия ассоциируются с ответной реакцией на них, но и развивается способность к переживанию. В этом контексте заметим, что врожденное стремление человека к обретению смысла жизни выполняет функцию интегративной структуры личности, предопределяя ее целостность [Франкл 1997: 14; Д.А. Леонтьев 2003: 105].

Когда же на втором году жизни «ребенок как бы открывает символическую функцию речи» [Выготский 1982: 89], слова присутствуют в детском сознании вместе с привычным бытийным контекстом и усвоенными правилами взаимодействия. Следовательно, на начальной ступени «пробуждающееся» сознание является вторичным по отношению к общению и, шире, к «онтологической реальности», которая всегда имеет отношение к ценности и вызывает ту или иную эмоционально-чувственную, а, следовательно, и экзистенциальную реакцию.

В итоге на основе ценностных (аксиологических и деонтических) представлений формируются речеповеденческие навыки и образ мира. Поэтому «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту языковая картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [А.Н. Леонтьев 1975: 125]. Когда же, по мере возрастания и расширения контактов внешняя деятельность, интериоризируясь, переходит во внутреннюю («идеальную» – Л.С. Выготский), в сознании ребенка утверждаются критерии оценочных суждений и речь становится органичной частью его самовыражения. Но «биологические корни знания, в том числе и усвоения языка, необходимо искать в механизме саморегуляции / самоорганизации» [Уфимцева 1988: 183].

Со временем присвоенные ребенком «языковые матрицы» наполняются личностным эмоционально-чувственным, бытийным и рефлексивным опытом, а возможно, и первыми экзистенциальными переживаниями. Ведь последние могут достигать в повседневном существовании достаточно высокой степени осознанности в силу экспрессивной «заряженности» обращенной к ребенку речи. Позднее, когда в процессе взросления происходит более глубокое *восприятие окружающей действительности, себя и других*, в сознании складывается «многомерный образ мира, образ реальности» [Леонтьев А.Н. 1979: 3] и присвоенная картина мира становится осмысленной и всё более экзистенциальной.

В этом контексте отметим, что исследовательский интерес к изучению речевого онтогенеза и эволюции образа мира находится в фокусе внимания коммуникативной онтолингвистики как одного из актуальных направлений антропоцентрической лингвистики [Седов 2004: 287].

Картина мира и бытие языковой личности. Целостное единство «бытия-сознания» и включенность языковой личности в картину мира обусловили полипарадигмальный характер изучения данных исследовательских объектов. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, античную антропологическую концепцию целостности и, в частности, аристотелевскую процессуальную триаду: $dynamis-energeia-entelecheia$ [Аристотель 2008: 232–233], где *dynamis* – «возможность» деятельности, готовность к ней»; *energeia* – «сама деятельность»; *entelecheia* – «осуществленность», соотносимая с представлениями об ее совершенном исполнении [Гайденко 2000: 62].

При таком понимании потенциально возможное высказывание («бытие в возможности») становится в процессе речевой деятельности реальностью («бытием»). Но соотносённость сказанного с исходным намерением и искомым совершенством (энтелехией) порождает новую речевую интенцию («бытие в возможности») и новое высказывание («бытие») и т. д. Таким образом, речевое взаимодействие (языковое бытие) обусловлено ценностными (энтелехийными) представлениями и установками, которые задают основные векторы развивающейся языковой картины мира [Владимирова 2012].

Анализируя «учение об энтелехии как о последней цели и в то же время первой причине развития», М.М. Бахтин фактически утверждал, что «полное бытие и сущность человека есть не состояние, а действие, деятельная сила (“энергия”). При этом поступки, слова и другие выражения <...> и есть бытие самого характера, который вне своей “энергии” и не существует вовсе» [Бахтин 1986: 176-177]. Если же личностная оценка своего речевого поведения и, шире, бытия не совпадает с культурно обусловленными (энтелехийными) представлениями об искомом совершенстве, то создается

«познавательное-этическое напряжение жизни изнутри ее самое» [Бахтин 1979: 96] и возникают экзистенциальные переживания.

Так, поиск смысла жизни и стремление к полноте личностного существования, которая необходима для духовного самосовершенствования, становятся частью бытия и картины мира языковой личности. Поэтому сравнительное изучение языков с позиций философской истории человечества «служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985: 383].

Примечательно, что М. Хайдеггер, анализируя гумбольдтианский «путь к языку», заметил, что он «обусловлен не столько языком как языком, сколько стремлением в единой картине представить совокупность духовно-исторического развития человечества в его цельности, но одновременно также и в его всегдашней индивидуальности» [Хайдеггер 1993: 263]. Ведь картина мира каждого носителя языка несет на себе отпечаток свойственного ему хронотопа, личностного бытия и типа «темпоральной организации психики» (Н.Д. Арутюнова).

Языковая картина мира: синергетический аспект. Согласно теории содействующих систем, человек, как и любой живой организм, стремится к стабилизации внутренних параметров своего личностного бытия, не допуская любых форм его рассогласования. И в этом смысле жизнедеятельность находится вблизи неустойчивого, критического состояния (ср. образ «человека не на своем месте» В.Б. Шкловского). Возникающие при этом двойственные, неравновесные ситуации (столкновение мнений, конфликт, ссора и т.п.) могут осложнять существование, делая его непредсказуемым.

В развивающихся открытых системах, включая человека и его бытие, всегда существует зависимость настоящего и будущего от прошлого. Поэтому усвоенные культурные сценарии поведения являются источником возникновения «порядка из хаоса» (И. Пригожин). Кроме того, в работах по синергетике исследователи характеризуют состояние в ситуациях потенциальной угрозы распада как бимодальное и стремящееся быть кратковременным. Это объясняется тем, что принятые сценарии поведения выступают в качестве «источника порядка» (И. Пригожин). Ведь в рамках любой социальной общности осуществляется отбор допустимых вариантов поведения, в которых проявляется «наследственность системы», тесно связанная с памятью (Г.Н. Дульнев). Поэтому в жестко детерминированных системах настоящее определяет будущее, а прошлое – настоящее, обеспечивая сохранность самой системы.

Вместе с тем, по мнению Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, «развитие определяется не столько прошлым, историей, традициями системы, сколько будущим, структурами-аттракторами эволюции» [Князева, Курдюмов 2010: 183]. Следовательно, человек, с одной стороны, испытывает на себе воздействие энтелехийных представлений, принадлежащих будущему, а с другой – в своем речевом поведении и бытии опирается на прошлый опыт, т.е. на знания, ценности и переживания, накопленные в процессе жизнедеятельности. Воздействие двух различных аттракторов может усиливать экзистенциальную напряженность личностного существования, которое не поддается рациональному программированию.

Чтобы проиллюстрировать целостность бытия с позиции теории содействующих систем, вспомним древнекитайскую ориентацию на прообраз совершенного Пути (Дао). Примечательна и даосская интуиция об особом рода связях по типу стихийного и взаимно усиливающегося отклика эха. «То, что хотят сжать, непременно становится

сильным. То, что хотят уничтожить, непременно расцветает. Кто хочет отнять, теряет сам. Это трудно постижимо. Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное» [Григорьева 1989: 92].

Следовательно, в бытии проявляется синергетический принцип целостности, когда прошлое, настоящее и будущее выступают в их взаимосвязи, содействии и единстве. Что же касается представлений о прообразе бытия, то они отличаются этнокультурной спецификой. Если для русской языковой личности ведущим аттрактором традиционно выступало будущее, которое «просто надо увидеть и поддержать» (С.П. Курдюмов), то для китайцев – это прошлое, на которое следует ориентироваться, а для западных европейцев это, как представляется, настоящее. Таким образом, синергетическое осмысление языкового бытия раскрывает «становящийся» характер языковой личности и ее картины мира, которая выступает в качестве регулятора бытия и предопределяет восприятие и осмысление мира.

Языковая картина мира и «онтологическая реальность». Раскрытие сложной природы картины мира и бытия языковой личности сопровождалось стремлением дополнить сложившуюся понятийную систему. Здесь мы имеем в виду такие вошедшие в научный обиход полипарадигмальные понятия, как «смысловое поле» (Л.С. Выготский), «ценностно-смысловая картина мира» (М.М. Бахтин), «онтологическая интерпретация человеческого бытия» (М. Хайдеггер) и «онтологическая картина в восприятии, онтологическая картина в понимании, онтологическая картина в рефлексии» [Щедровицкий 1979], а также образ мира как «результат “сопричастности” человека его природной и социальной жизни», который нельзя смешивать с картиной мира [Тарасов 2008: 9].

Действительно, одним из наиболее обсуждаемых понятий оставалась картина мира. Так, М.М. Бахтин обратил внимание на то обстоятельство, что картина мира принципиально не включает в себя человека. «Картина мира, где все явления строго разграничены и занимают неизменные места (положения) в иерархии. Эта картина мира глубоко субстанциональна. С ней нельзя шутить, она монолитно серьезна. <...> Здесь всё равно себе самому. Здесь нет дублирования и второго плана. Незыблемость официальной иерархии». Вместе с тем существует также «переживаемый единственным образом действительный мир» [Бахтин 1997: 378].

В этом контексте примечательна также позиция А. Эйнштейна, согласно которой в формировании образа мира проявляется, во-первых, стремление человека «создать в себе простую и ясную картину мира, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир». А во-вторых, потребность в опоре, куда «человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головомозжешном круговороте собственной жизни» [Эйнштейн 1967: 40]. Тем самым была фактически высказана мысль о взаимодополнительности языковой картины мира и картины личностно переживаемого человеком бытия.

На целесообразность различения картины мира и картины жизни обратила внимание и Н.Д. Арутюнова. Согласно предложенной концепции, внутренние (психофизические) и внешние события выстраиваются в жизненной сфере последовательно и в ней же закладываются «семантика конкретно событийных имен» и принципы оценки. «Оценить – значит включить в сферу жизни. Только к ней применимо понятие идеала. Картина мира и картина жизни написаны разными красками и под разным углом зре-

ния. Для первой остается более важным пространственное, для второй – временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественнее сравнить с кинолентой» [Арутюнова 1999: 537].

В этом контексте обращает на себя внимание существенное уточнение В.И. Постоваловой, сделанное ею в ходе рассмотрения картины мира как целостного единства статики и динамики, стабильности и изменчивости. Отметив близость картины мира к работе художника, к которой он постоянно возвращается, автор видит в ней аналогию с «экраном, на котором запечатлевается работа человеческого духа в процессе формирования базисного образа мира» [Постовалова 1988: 48].

Интерес к изучению сущностных (онтологических) оснований картины мира и бытия закономерно привел к формированию лингвистической онтологии, призванной «заложить теоретический фундамент для общей лингвистики», а тем самым и «предпосылки для создания фундаментальной онтологии языка» [Бондаренко 2009: 15].

Экзистенциальная картина бытия языковой личности. Большой вклад в исследование данной проблематики внесли труды М. Хайдеггера. Рассмотрим его восходящую к Аристотелю триаду <язык – способ бытия – культура>, где язык («дом бытия») обуславливает самобытный «способ бытия-в-мире» национальной языковой личности. Что же касается третьего члена триады, то «мыслители и поэты, хранители жилища», создают культуру как энтелехийный прообраз бытия [Хайдеггер 1993: 192 и сл.]. Возникающая на этой основе «картина мира, сущностно понятая», служит своего рода призмой миропонимания: «Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом» [Хайдеггер 1993: 49]. Так, обладая определенной степенью свободы в поисках смысложизненных основ бытия, человек берет на себя ответственность за сделанный выбор.

Справедливость данного положения становится очевидной при обращении к укорененным в сознании ценностным (энтелехийным) представлениям об искомом бытии. Формируясь изначально в области чувств и интуитивного мировосприятия, а позднее и в ходе рефлексивного анализа, смысл жизни задает культурно обусловленные представления о подлинном существовании. Так, в сознании укореняется образ экзистенциально-онтологической реальности и формируется собственная картина мира и бытия.

Раскрывая экзистенциальную сущность личностно воспринимаемой действительности, М.М. Бахтин дает ей следующую характеристику: «Мир, где действительно протекает, свершается поступок, – единый и единственный мир, конкретно переживаемый: видимый, слышимый, осязаемый и мыслимый, весь проникнутый эмоционально-волевыми тонами утвержденной ценностной значимости». Следовательно, мир «официальной иерархии», где «всё равно себе самому», дополняет «эмоционально-волевой, тяжелый и нудительный» мир личности. Более того, этот мир «гарантирует действительности признание моей единственной причастности, моего «не-алиби в нем» [Бахтин 1986: 511].

А в анализе «учения об энтелехии» прямо утверждается, что «аристотелевское отождествление цели с началом не могло не оказать существенного влияния на особенности биографического времени». Так, в «борьбе склонностей и аффектов и упражнении в добродетели, чтобы придать ей постоянство» закреплялась «устойчивая сущность завершеного человека». Поэтому «полное бытие и сущность человека есть не состояние, а действие, деятельная сила («энергия»). Эта «энергия» есть развертывание характера в поступках и выражениях [Бахтин, 1986: 176-177].

Таким образом, языковая личность не только наследует картину мира и правила речевого поведения. Особое место в ее жизнедеятельности занимает экзистенциальная картина бытия как присутствующая в сознании «лента жизни», в которой получил выражение экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле жизни. Поэтому язык, удваивая окружающий человека мир, приобретает экзистенциальное измерение при обращении к бытию языковой личности, речь – статус «экзистенциально-онтологического фундамента языка» [Хайдеггер 2003: 187], а «*внутреннее языковое сознание*» становится «*принципом*, объемлющим язык изнутри, придающим всему изначальный импульс» [Гумбольдт 1984: 227].

Рассматривая экзистенциальную картину бытия как встроенную в языковую картину мира, мы опираемся на концепцию, разработанную Б.М. Гаспаровым в русле «лингвистики языкового существования». Согласно проведенному исследованию, взаимоотношения с языком не ограничиваются «целенаправленной “работой”, совершаемой по определенным поводам, на основании определенных правил над определенными, имеющими постоянные свойства строительными элементами», но «экзистенциальный процесс, столь же всеобъемлющий, но и столь же лишенный какой-либо твердой формы и единого направления, как сама повседневная жизнь» [Гаспаров 1996: 10]. Близкую позицию занимал Н.И. Конрад. Согласно его пониманию, «язык – не только и не столько структурное образование, скорее – вид, модус существования человека в том же плане, что и “политическое”, “экономическое”, “художественное” существование» [Конрад 1959: 7].

Вопросы, связанные с «экзистенциальной природой языка», разрабатывались также В.А. Курдюмовым, который к числу его базовых функций относил регулятивную (повседневное общение), когнитивную (познание мира) и экзистенциальную (обретение подлинного существования личности). Кроме того, анализируя «идеенесущие» свойства языковых единиц и говорения, исследователь пришел к выводу, что языковое бытие, помимо чисто лингвистических измерений, включает «экзистенциальную вертикаль» [Курдюмов В.А. 1999]. Следовательно, личность, «принимаящая решение по самым последним вопросам мироздания» [Бахтин 1979: 311], также экзистенциальна, как и ее языковое бытие.

При таком понимании экзистенциальная языковая личность может рассматриваться как исторически сложившийся прототип носителя лингвокультуры с характерным для него способом бытия и представлениями о смысле жизни.

Что же касается присутствующей в ее сознании экзистенциальной картины бытия, включая ассоциации, реминисценции, прямые и переакцентуированные цитации, мини-рассказы и т. п., то она способна мгновенно возбуждать картину прошлого – настоящего – будущего. Так, виртуальное бытие личностно значимых событий создает экзистенциально-онтологическое поле как саморазвивающуюся и смыслогенерирующую целостность, в которой проявляется его синергетическое единство [Владимирова 2018: 269].

Выводы

Анализ языка как антропологической лексико-грамматической системы, изоморфной потребности в познании, общении и самовыражении, подготовил выход за рамки функционально-коммуникативного описания языковой картины мира.

Предпринятое полипарадигмальное рассмотрение языковой картины мира с позиций психолингвистики, философской онтологии, синергетики и онтолингвисти-

ки выявило ее сложную природу. Отражая окружающую человека действительность, картина мира изначально получает экзистенциальное измерение. Следовательно, экзистенциальная картина бытия органично встроена в языковую картину мира и, как представляется, составляет ее «культурную “сердцевину”, единую для всех членов социальной группы или общности» [Леонтьев А.А. 2001: 117].

Дальнейшее изучение экзистенциальной картины бытия предполагает анализ «образов сознания», в которых выражены ценностные представления о смысле жизни и нередко связанные с ними переживания. Особый исследовательский интерес вызывает раскрытие в «образах сознания» механизмов внутреннего «взаимоСОдействия» (П.К. Анохин) этнопсихолингвистической, лингвокультурологической и экзистенциально-онтологической сторон личностного бытия, которое отличается своеобразием у представителей различных языков и культур.

Литература

- Аристотель*. Метафизика. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
- Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
- Бондаренко А.В.* Лингвистическая онтология от античности до наших дней // Вестник Челябинского государственного университета 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып. 30. С. 15-21.
- Владимирова Т.Е.* Металингвистическая парадигма изучения языковой личности // Метафизика. 2012. С. 26-38.
- Владимирова Т.Е.* Русский дискурс в межкультурной коммуникации: Экзистенциально-онтологический подход. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 320 с.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т.2. Проблемы общей психологии / Под. ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
- Гайденко П.П.* Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля // Философия природы и в античности в средние века. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 37-78.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
- Григорьева Т.П.* и др. Диалог и коммуникация – философские проблемы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 11-23.
- Гумбольдт В.фон.* Избранные труды. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
- Гумбольдт В.фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
- Залевская А.А.* Роль фактора человека в развитии языка // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2(24). С. 64-76.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: Синергетическое миропонимание. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 256 с.
- Конрад Н.И.* О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М.: Изд-во вост. литературы, 1959. С. 5-16.

Курдюмов В.А. Экзистенциальные аспекты предикационных преобразований. М., 1999 [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html> (дата обращения 01.11.2017).

Леви-Стросс К. Путь масок / Пер. с фр. М.: Республика, 2000. 399 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. С. 113-119.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3-13.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. С. 8-68.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7-22.

Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 6-10.

Уфимцева Н.В. Биологические и социальные факторы в речевом развитии // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 163-183.

Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 287 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

Щедровицкий Г.П. Онтология и онтологическая работа. 1979. [Электронный ресурс] URL: http://docplayer.ru/44316021-Shchedrovickiy-g-p-ontologiya-i-ontologicheskaya-rabota.html#show_full_text (дата обращения 12.08.2017).

Эйнштейн А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. 599 с.

EXISTENTIAL PICTURE OF BEING AS AN ACTUAL RESEARCH PARADIGM

Tatiana E. Vladimirova

Professor

Lomonosov Moscow State University

Krzhizhanovskogo st. 24/35, Moscow, Russia, 117218 and

Professor at Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

yusvlad@rambler.ru

The article discloses the complex nature of the linguistic picture of the world that acquires an existential dimension when referring to the being of a national language personality. The work is aimed at the substantiation of the above provision. Consideration of the linguistic picture of the world and being, as well as of the personality behind it makes it possible to combine in one research horizon the data of linguistics, psychology, ontology, as a philosophical doctrine of being, as well as synergetics. The proposed metalinguistic approach (M.M. Bakhtin) contributes to a more complete analysis of the personally perceived, emotionally and intuitively perceived actual being, as well as those meaningful representations that constitute the value kernel of the consciousness of the language personality, and the prototype of the desired interaction with others. Thus, it is possible to supplement the functional and communicative description of the language picture of the world with data on the «language existence» (B.M. Gasparov) of its creators. Thus, a man relies on his existence, not only on the linguistic picture of the world. A special place in his life activity is occupied by the existential picture of being as a “tape of life” present in the consciousness, where the accumulated cognitive-communicative, along with existential experience and value concepts about the meaning of life were expressed.

Keywords: picture of the world, consciousness, being, personality, ontology, existential

References

Aristotel'. Metafizika [Metaphysics]. M.: Eksmo, 2008. 608 s. (In Russian).

Arutyunova N.D. YAzyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s. (In Russian).

Bahtin M.M. EHstetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s. (In Russian).

Bahtin, M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary-critical articles] M.: Hudozhestvennaya literature, 1986. 543 s. (In Russian).

Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 t. T.5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov [Coll. Works: in 7 vol. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s.] M.: Russkie slovari, 1997. 731 p. Print. (In Russian).

Bondarenko A.V. Lingvisticheskaya ontologiya ot antichnosti do nashikh dney [Linguistic ontology from antiquity to the present day] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, 10 (148) Filologiya. Iskusstvovedeniye [Philology. Art Criticism]. S. 15-21. (In Russian).

Vladimirova T.E. Metalingvisticheskaya paradigma izucheniya yazykovoy lichnosti [The Metalinguistic Paradigm of Studying a Language Personality] // *Metafizika* [Metaphysics]. 2012. S. 26-38. (In Russian).

Vladimirov, T.E. Russkij diskurs v mezhkul'turnoj kommunikacii: EHkzistencial'no-ontologicheskij podhod [Russian Discourse in Intercultural Communication: An Existential-Ontological Approach]. M.: LIBROKOM, 2018. 320 p. (In Russian).

Vygotskij L.S. Sbranie sochinenij: v 6 t. [Collected Works: 6 vols.]. Vol.2. Problemy obshchej psihologii [Problems of General Psychology. Edited by V. V. Davydova]. M.: Pedagogica, 1982. 504 p. (In Russian).

Gajdenko P.P. Ontologicheskij gorizont naturfilosofii Aristotelya [Ontological horizon of the natural philosophy of Aristotle] // *Filosofiya prirody i v antichnosti v srednie veka* [Philosophy of nature and antiquity in the Middle Ages]. M.: Progress-Tradiciya, 2000. s. 37-78. (In Russian).

Gasparov B.M. YAzyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 348 p. (In Russian).

Grigor'eva T.P. Dialog i kommunikaciya – filosofskie problemy (Materialy «kruglogo stola») [Dialogue and communication – philosophical problems (Materials of the «round table»)] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy] 1989, 7. S.11-23. (In Russian).

Gumbol'dt V. Izbrannye trudy [Selected Works]. M.: Progress, 1984. 398 s. (In Russian).

Gumbol'dt V. YAzyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]. M.: Progress, 1985. 451 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Rol' fa ktora cheloveka v razvitii yazyka [The role of the human factor in the development of language] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics] 2015, 2(24). S. 64-76. (In Russian).

Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness as a creative act]. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 592 p. (In Russian).

Knyazeva Ye.N., Kurdyumov S.P. Osnovaniya sinergetiki: Sinergeticheskoye miroponimaniye. [Bases of synergetics: Synergetic world outlook]. M.: LIBROKOM, 2010. 256 s. (In Russian).

Konrad N.I. O «yazykovom sushchestvovanii» [On language existence] // *YAponskij lingvisticheskij sbornik* [Japanese linguistic collection]. M.: Izd-vo vost. Literaturny, 1959. P. 5-16. (In Russian).

Kurdyumov V.A. EHkzistencial'nye aspekty predikacionnyh preobrazovanij [Existential aspects of predicative transformations]. M., 1999. URL: <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html> (retrieval date: January 10. 2018). (In Russian).

Levi-Stross K. Put' masok / Per. s fr. [Path of masks]. M.: Respublika, 2000. 399 s. (In Russian).

Leont'ev A.A. YAzykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness the image of the world] YAzyk i rechevaya deyatelnost' v obshchej i pedagogicheskoy psihologii: Izbrannye psihologicheskie trudy [Language and speech activity in general and pedagogical psychology]. M.: Izd-vo Mosk. psihologo-social'nogo in-ta, Voronezh: Izd-vo NPO «MODEHK», 2001. S. 113-119. (In Russian).

Leontyev A.N. Deyatel'nost. Soznaniye. Lichnost [Activity. Consciousness. Personality] M.: Politizdat, 1975. 304 s. (In Russian).

Leont'ev D.A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of the semantic reality]. 2-e izd. M.: Smysl, 2003. 487 s. (In Russian).

Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The picture of the world in human life]. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i kartina mira / Pod red. B.A. Serebrennikova [The Role of the Human Factor in Language: The Language and the Picture of the World]. M.: Nauka, 1988. S. 8-68. (In Russian).

Sedov, K.F. Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii [Discourse and personality: the evolution of communicative competence]. M.: Labirint, 2004. 320 s. (In Russian).

Tarasov E.F. Mezhekul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya soznaniya [Intercultural communication – a new ontology of consciousness] Ehtnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya [Ethno-cultural specificity of language consciousness / General. Ed. N.V. Ufimtseva]. M.: Institut yazykoznanija RAN, 1996. S. 7-22. (In Russian).

Tarasov E.F. Obraz mira [The image of the world] Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] M., 2008. No 8: 6-10. (In Russian).

Ufimtseva N.V. Biologicheskiye i sotsial'nyye faktory v rechevom razvitii [Biological and social factors in language development] // Ethnopsycholinguistics [Ethnopsycholinguistics]. M.: Nauka, 1988. P. 163-183. (In Russian).

Frankl V. Doktor i dusha [Doctor and soul]. St. Petersburg: YUventa, 1997. 287 s. (In Russian).

Hajdegger M. Bytie i vremya [Being and time]. Har'kov: Folio, 2003. 503 s. (In Russian).

Hajdegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya [Time and Being. Articles and speeches]. M.: Respublika, 1993. 447 s. (In Russian).

Shchedrovitskiy G.P. Ontologiya i ontologicheskaya rabota [Ontology and ontological work] 1997. URL: http://docplayer.ru/44316021-Shchedrovitskiy-g-p-ontologiya-i-ontologicheskaya-rabota.html#show_full_text (retrieval date: February 02. 2017).

EHjnshtejn A. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 4 [Coll. Works: in 4 vol. Vol. 4]. M.: Nauka, 1967. 599 s. (In Russian).